

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

ЧИТАЙТЕ ДЕТЕКТИВЫ ОЛЬГИ ВОЛОДАРСКОЙ! В НИХ НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ!

Кара Дон-Жуана
Последнее желание гейши
Хрустальная гробница Богини
Сердце Черной Мадонны
Король умер, да здравствует король
Принцип перевоплощения
Свидание с небесным покровителем
Клятва вечной любви
Ножницы судьбы
Неслучайная ночь
Подумай об этом завтра
Призрак большого города
Девять кругов рая
Страсть под чужим именем
Отвергнутый дар
Тайный дневник Лолиты
Лунный демон
Он бы отдал жизнь
Седьмая казнь
Две половинки темной души
Каждый день как последний
Гибельный голос сирены
Мемуары мертвого незнакомца
Дефиле над пропастью
Любовь как война
Красавица-чудовище
Нет дьявола во мне
Пикник на Млечном пути
Договор на одну тайну
Исповедь отшельника

Ответ перед высшим судом
Поединок с мечтой
Предпоследний круг ада
Земля перестанет вращаться
То ли ангел, то ли бес
Первая жизнь, вторая жизнь
Кукла затворника
Осколки хрустальной мечты
Шепот горьких трав
Обет без молчания
О чем молчит ветер
Нерассказанная сказка Шахерезады
Призраки забытых могил
Тревожное эхо пустыни
Я знаю, кто меня убил
Жена Синей Бороды
Найди меня под облаками
Там, где растает мой след
Воскреснуть, чтобы снова умереть
Проклятие Спящей красавицы
Письмо из ниоткуда

Сериал
«Сокровища князей Шаховских»
Его величество случай
Карма фамильных бриллиантов
Наш грешный мир

ОЛЫГА ВОЛОДАРСКАЯ

СЕРДЦЕ
ЧЕРНОЙ
МАДОННЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Володарская, Ольга.
В68 Сердце Черной Мадонны : роман / Ольга Володарская. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-218299-0

Ире по жизни везло. Особенно на людей! Те, с кем ее сталкивала жизнь, были интересными, успешными, талантливыми. Она встречалась с депутатом, клипмейкером, популярным певцом, а полюбила провинциального бизнесмена по имени Бэк...

Ради него она покинула столицу, оставила должность главного редактора модного журнала, забросила друзей, интересных, успешных, талантливых, и посвятила себя ему. Однако он не оценил, и они расстались. А Ира по-прежнему любила и, возможно, вернулась бы к нему, но...

Бэка убили! Кто-то из Ириных друзей. Оказалось, ей с ними не так уж и повезло. Один лишил ее мужа, а остальные выкинули ее из своей жизни сразу, как Иру посадили в тюрьму за убийство, которого она не совершала...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-218299-0

© Володарская О., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Вдруг возникает на устах тромбона
Визг шаров, крутящихся во мгле.
Дико вскрикнет черная Мадонна,
Руки разметав в смертельном сне.*

*И сквозь жар, ночной, священный, адный,
Сквозь лиловый дым, где пел кларнет,
Запорхает белый, беспощадный
Снег, идущий миллионы лет.*

Борис Поплавский «Черная Мадонна»

Пролог

Первым, что Ирина увидела, войдя в комнату, была кочерга. Тяжелая чугунная кочерга, которой мешают угли в камине. Железяка валялась рядом с трупом, и на ее наконечнике матово блестела застывшая кровь... Но кровь была не только на кочерге, но и на досчатом полу. Она растеклась небольшой лужей вокруг головы покойницы, образовав пятно, похожее на нимб...

Ира, зажмурившись, отшатнулась. В висках у нее застучало. Застучало ритмично, будто пульсирующая жилка выбивала: «Де-жа-вю! Де-жа-вю! Де-жа-вю!», озвучивая ее мысли...

Все это уже было! И окровавленная кочерга, и алая лужа на полу, и труп.

Пять лет назад Ирка вот так же вошла в каминную залу и увидела это.

А теперь *это* повторилось! Только тогда был убит мужчина, теперь женщина. Тогда Ирин муж, теперь подруга. Тогда в убийстве обвинили ее, теперь...

Кого же обвинят теперь? Неужели опять ее? Ведь и тогда, и сейчас мотив имелся только у нее. А еще на орудии убийства ее отпечатки... И отсутствие алиби...

И тогда... И сейчас...

Часть 1

(недалекое прошлое или за два месяца до...)

Глава 1

Тюремные ворота с отвратительным скрежетом закрылись за Ириной спиной. Она вздрогнула от этого звука и торопливо зашагала прочь. И только когда и ворота, и пятиметровый забор с вышками, и мрачное здание главного корпуса зоны остались далеко позади, Ира остановилась. Остановилась, чтобы зачерпнуть горсть снега и смыть с лица слезы. Она свободна! Боже, боже, боже, неужели свободна!?

Ира вытерла лицо рукавом своего пальто. Того самого, в котором ее забрали из зала суда: «мокрый» шелк на котиковой подстежке от известного итальянского дизайнера. Когда Ире выдали его час назад, она очень удивилась. Думала, присвоили давно ее пальто, ан нет, видно, никто из тюремщиц не смог оценить истинную стоимость вещи, приняв ее за рыночную тряпку. Шапку-то, эксклюзивный берет из шиншиллы, зажали. Вместо нее выдали серую шаль. Ира намотала ее на голову, поверх накинула пальто, сунула руки в брезентовые рукавицы, закинула за плечо выдавшую виды спортивную сумку с нехитрыми пожитками и вышла в мир...

Мир встретил мокрым снегом. Он падал с серого неба на обмотанную старой шалью голову, впивался в лицо, слепил глаза... Но Ирина была рада ему. Она теперь всему радовалась. Ведь она на свободе!

О том, что ее выпускают раньше срока, она сообщила и маме, и бабушке, и лучшей подруге Люське — единственным людям, кто не забывал ее все эти годы, писал, присылал чай и сахар. Но когда конкретно ее освободят, она умолчала, хотя знала точную дату (сегодняшнюю!). Она не хотела, чтобы ее встречали у ворот, сама не зная почему. Ирина не стеснялась себя теперешней — осунувшейся, поседевшей, с плохо залеченным передним зубом, не стыдилась своего статуса бывшей зэчки, не боялась смотреть людям в глаза... Да и с чего она должна стыдиться? Ведь она ничего плохого в жизни не сделала! Хотя и отсидела пять лет за убийство собственного мужа...

За убийство, которого не совершала.

«Я невиновна!» — холодно чеканила она следователю, ведшему ее дело. «Невиновна!» — отбрасывала она адвоката, уговаривающего ее написать признание, чтобы облегчить свою участь. «Невиновна!» — кричала она в суде, когда приговор был зачитан, и конвойные уводили ее из зала. «Невиновна!» — твердила своим сокамерницам... Но ей никто не верил. Даже мать. И друзья. Они не признавались в этом, но Ирина видела по их глазам — не верят...

И вот теперь пришло время доказать всем, что она невиновна.

Ирка знала, что сделать это будет очень трудно. Ведь прошло столько лет! К тому же у нее теперь ни связей, ни денег, так что рассчитывать на чью-то квалифицированную помощь не приходится. Здоровья, и того

нет — два года назад одна из зэчек толкнула Ирину так сильно, что она упала и сломала ногу в двух местах. Кости срослись неправильно, и теперь Ира прихрамывала и мучилась болями...

Но все это не имело значения! Ирина твердо знала: она найдет убийцу. Тем более, что круг подозреваемых не так уж велик: всего девять человек. Именно столько приглашенных было на вечеринке по случаю их с Бэком (так звали Иркиного мужа) «ситцевой» годовщины, после которой и произошло преступление... Один из этих девяти — и есть убийца!

За пять лет ее родной городок Ольгино не изменился совершенно. Когда Ирка вышла из вагона и огляделась, то глазам своим не поверила. Все осталось таким, как она помнила. Абсолютно все! И выщербленная платформа, и станционная домушка, и остановка рядом с ней, и привокзальный магазинчик, и даже рекламный плакат на его стене, казалось, висел все тот же.

Спустившись с платформы и купив в магазинчике банку газировки, Ирка направилась по шоссе в сторону отчего дома. Дошла за двадцать минут. Могла бы попасть туда и раньше, если б согласилась на то, чтоб ее подвез сердобольный старичок на «Москвиче-412», но Ирка отказалась — ей хотелось пройтись.

Мама встретила на пороге. Увидела в окно приближающуюся к дому дочь, выскочила на лестничную клетку и буквально упала в Иркины объятия. Она рыдала, руки ее, припудренные мукой, тряслись. Ирка прижала ее к себе и тоже заплакала. Они долго стояли в подъезде, воя в голос, потом в унисон засмеялись и заторопились в квартиру.

Мать стала суетиться у плиты, рассыпая по кухне муку (она затеяла пироги — как чувствовала, что кто-то в гости явится), сшибая табуретки, роняя ложки. Ира порывалась ей помочь, но мама не позволяла. Она то усаживала дочь на диван, то отправляла ее в ванную мыться, то совала какую-нибудь еду, и все никак не могла поверить, что эта изможденная, сурово нахмуренная немолодая женщина — ее тридцатипятилетняя красавица-дочь.

Потом, когда Ирка намылась, а мама приготовила обед, пришли бабушка и Люська. Бабушка притащила целую сумку всяких домашних солений-варений, а Люська бутылку пятизвездочного коньяка. Накрыв на стол, они расселись. Выпили по пятьдесят граммов. Ирка, опорожнив стопку, передернулась. Она отвыкла от алкоголя вообще, а от коньяка — в частности. Вкус некогда любимого напитка показался противным, а быстро пришедшее опьянение было настолько расслабляющим, что она тут же уснула. Даже не попробовав маминых пирогов и бабушкиных помидорчиков.

Проснулась Ирка рано. Мама спала. Бабушки с Люсей не было — они ушли поздним вечером (чтобы не тревожить спящую, все переместились на кухню и долго разговаривали там, стараясь избежать темы, касающейся разительной перемены во внешности и поведении Ирки), не забыв убрать со стола и перемыть посуду. Ирина села за чистый стол, достала из банки соленый огурчик и со вкусом им захрустела. Съев один, потом второй и третий, она встала, чтобы поставить чайник. А потом застыла возле окна и стала рассматривать двор, по которому носилась девочкой, пробегала девушкой, степенно ходила молодой женщиной. Вон лавочка, на

которой они с братом любили отдохнуть после работы, потреться, на ней же они сидели с Люськой, сплетничая об общих подружках, там целовались с Бэком перед тем, как проститься...

Бэк! Тогда он был ее женихом, потом стал мужем. Первым и единственным. Любимым. При воспоминании о нем к Иркиному горлу подступил ком. Она готова была вновь расплакаться, но все-таки сдержалась. Ведь никогда не была плаксой, даже в тюрьме очень редко лила слезы, а на свободе ревет и ревет... Как плотину прорвало!

Взяв себя в руки, Ирка заварила себе чаю крепкого и сладкого-пресладкого, перекусила, потом оделась и вышла из квартиры. Она решила навеститься туда, где началась их с Бэком история и где в ней была поставлена финальная точка — в ИХ дом. Именно в нем, в старинном особнячке, принадлежавшем до революции купцу-миллионщику, а затем Бэку, произошло их первое свидание. Там же они играли свадьбу. И там же Бэка убили! Во время вечеринки по случаю «ситцевой» годовщины. Убил один из девяти Иркиных друзей — ровно столько человек были приглашены на нее...

Доехав до старой площади на рейсовом автобусе, она вышла и двинулась в сторону реки Сейминки. Пока шла, напряженно размышляла о том, что не знает, с чего начать поиски убийцы. Находясь в тюрьме и мечтая о том, как, выйдя на свободу, она восстановит справедливость, Ирка представляла лишь конечный результат: собрав всех в комнате, где был убит Бэк, она подойдет к убийце и спросит: «За что?» Она прокручивала в воображении эту сцену много-много раз, а вот конкретного плана действий не разработала. Она уподобилась Скарлетт из

«Унесенных ветром», только если та говорила себе: «Я подумаю об этом завтра», то Ирка твердила — «Подумаю, когда выйду».

И вот она вышла! А в голову так ничего и не лезет! Но Ирка почему-то не сомневалась, что решение придет сразу, как она попадет в дом. Откуда в ней такая уверенность взялась, Ирка не могла сказать. Видимо, ей просто подсказывало сердце...

Медленно двигаясь в сторону ИХ дома, Ирка вспоминала, как, прогуливаясь здесь шесть лет назад, познакомилась с Бэком. Тогда она приехала из Москвы, где жила и успешно трудилась главным редактором женского журнала, проведать маму, и решила побродить по старым улочкам города. Нагулявшись, она присела на скамейку возле красивого деревянного строения — этакое теремка с высоким крыльцом, балкончиками, узкими, украшенными резными белыми наличниками окнами и увенчанной флюгером башенкой. До революции он принадлежал купцу Егорову, а во времена Иркиного детства в нем располагался «Дом пионеров». С тех пор много воды утекло, но домик оставался таким же очаровательным, только цвет изменил: был зеленым, стал бордовым...

— Любуетесь? — услышала Ирка за своей спиной.

Обернувшись, она увидела молодого мужчину явно азиатской внешности. Он был с иголки одет и идеально причесан.

— А вы обратили внимание, что дом поменял цвет? — продолжил мужчина. — Раньше зеленым был, помните? — Ирка кивнула. — Я когда этот дом увидел, сразу понял, что он должен быть именно такого цвета. Угадал! Уже потом прочитал, что он и вправду был выстроен из

красного дерева. Необычно и безумно дорого. Между прочим, зелень с него соскоблена, а дерево покрыто мастикой, так что бордо — это не краска, а настоящая поверхность бревен, — закончил молодой человек.

— А вы, простите, кто?

— Хозяин дома.

— Но ведь он — историческая и архитектурная ценность. Как вам его продали?

— Ну не совсем продали — сдали в аренду на девяносто девять лет. — Он широко улыбнулся. Зубы у него оказались просто фантастически ровными и белыми. — Пойдемте в гости.

Ирка удивленно посмотрела на мужчину. Надо же пять минут поговорили, даже не познакомились, а он уже в гости зовет.

— Скажите, а вы кто по национальности?

— Вы что, шовинистка?

— Нет, — Ирка смутилась. — Просто зачем японскому парню дом русского купца?

— Корейскому, а не японскому. И то наполовину. Но я отвечаю. Приехал я в СССР в восемнадцать, больше десяти лет назад, не знаю почему. Мне хорошо жилось в Корее, но рвался именно в Россию. Не могу это объяснить только тем, что у меня мама русская — воспитывали-то меня как настоящего корейца. Но стоило маме заговорить о своей родине, она из Поволжья, спеть протяжную русскую песню, моя душа начинала ныть и проситься туда. Приехал. Долго мотался по вашей необъятной родине, цветами торговал, шмотками, а разбогатев, решил обосноваться в Москве. Проезжал как-то в столицу через этот городок и почему-то завернул сюда. А уж когда на этом месте оказался,

понял, что именно сюда рвалась моя душа, и теперь путь закончен...

— И вы осели здесь, в нашей глуши?

— Да. А чтобы не скучать, купил обе старые мельницы, магазин, столовую — в общем, все, что давным-давно принадлежало Егорову, а в последнее время дышало на ладан и было на грани банкротства... — Мужчина резко замолчал и вдруг выпалил: — Меня зовут Бэком. А вас как?

— Ирина, — представилась она.

— Ирочка, предложение остается в силе!

Она пристально посмотрела на собеседника. Он был среднего роста, стройный, гибкий. В лице его проскальзывало что-то славянское: кожа была белая, без желтизны, нос немного вздернутый, а глаза довольно большие. Бэк, заметив ее пристальный взгляд, еще раз улыбнулся.

— Ну что, прошел я фейс-контроль? На маньяка не похож? — весело спросил он, а Ирка хмыкнула в ответ. — Тогда пойдете ко мне в гости. Я напою вас чаем из самовара!

И, не слушая вялых Иркиных возражений, Бэк взял ее под локоток и повел к дубовым дверям теремка.

Вот так они и познакомились...

И весь день провели вместе. При этом ничего между ними, кроме поцелуев и объятий, не было. На следующий день они гуляли по берегу реки, болтая, молча сидели у зажженного камина — слова уже были не нужны, хватало взглядов. И тогда она не осталась у него, хоть и мечтала заняться с ним любовью, но ее останавливала какая-то странная стыдливость. Зато ночью Ирка неожиданно проснулась, открыла глаза — за окном

ночь, полная луна — вскочила с кровати, а потом, уняв сердечную дрожь, вылетела из дома и побежала по направлению к его дому. Она неслась, как на пожар, невзирая на темень и расстояние. Мелькали столбы, деревья, дома... Вот и забор, орешник за ним, калитка...

Бэк голый по пояс выскочил из дома, замер, а когда взглядел в темноте ее белый силуэт — шелковый кремовый халат поверх ночной рубашки — рванул навстречу, схватил в охапку, поднял на руки и перенес через порог.

С той ночи и началась их любовь. И если бы у Ирки спросили, что она испытала, когда их тела сплелись, она ответила бы — восторг. Душевное парение, сладкую сердечную истому, телесную легкость — именно это, а не что-то другое. После, когда они лежали без сна на шелковых простынях, она не могла даже вспомнить, испытала ли физическое удовольствие. Но она знала одно — никогда еще после близости она не испытывала такого безграничного счастья. Только Бэк, этот стройный гибкий мужчина, подарил ей восторг и духовное очищение.

А после Ирка поняла — ей не хочется уходить из ИХ дома. Она все бродила по нему: по его крутой узкой лестнице с причудливо изогнутыми перилами, по просторным комнатам (раньше, в советские времена, их делили фанерные перегородки, разбивая просторные залы на крохотные кабинетки), по уютной кухне, в которой сохранилась настоящая русская печь... Любила она и башенку, с которой открывался вид на площадь, реку, лес. Бэк возвращался домой поздно, когда солнце уже закатывалось за поросший дубравой горизонт, и Ирка ждала его, стоя на башенке, замирая всякий раз, едва видела его стройную фигуру.

Ночами они не выпускали друг друга из объятий. Спали, тесно прижавшись. Тело к телу. Если поворачивались, то одновременно. Если один вставал, чтобы сбежать в туалет или на кухню, второй тоже просыпался...

Как-то на рассвете, когда первые солнечные лучики ласково гладили плечо проснувшегося Бэка, Ирка вдруг осознала — вот оно, счастье. Другого ей и не надо!

Пролетела неделя, еще три дня. Из Москвы стали поступать требовательные звонки, ей надо было возвращаться. Да, конечно, в столице ее ждала любимая работа, бурная жизнь, друзья, коллеги — все, что было желанным и стало для нее уже привычным. Но понимала она и другое — что без Бэка не сможет жить так, чтобы ощущать себя даже не счастливой, а полноценной. Он стал частью ее! И этот дом, и река, и лес... — ей будет не хватать и их. Все же Ирка уехала, сказав, что обязательно позвонит. Бэк понял, отпустил, взяв с нее обещание вернуться...

Она вернулась спустя две недели — больше не смогла выдержать разлуки. А еще через две они поженились.

Венчались они в белокаменной Рождественской церкви на левом берегу Волги. На Ирке было великолепное серебристо-голубое платье с длинным шлейфом, присланное в подарок другом-дизайнером; на пальце перстень — презент жениха: крупная жемчужина, окруженная россыпью мелких бриллиантов, в оправе из платины; в руках белоснежные розы, а на голове фата из тонких кружев ручной работы. Бэк был облачен в синий фрак и голубую рубашку. Гостей всего двое: Люся и ее муж Сашка. После церемонии молодые и их свидетели отобедали в ресторане «Баржа», а к вечеру на белоснежном лимузине отправились в Ольгино.

Когда они приехали, уже смеркалось, но уличные фонари еще не зажглись. Бэк помог жене выйти из машины, распахнул ворота и согнулся в поклоне. Ирка нерешительно шагнула вперед и обмерла...

Через весь парк, от самых ворот и до высокого крыльца, тянулась красная ковровая дорожка. На деревьях, росших по обе стороны от нее, висели маленькие фонарики и атласные ленты, которые трепал ветер, отчего они переливались в ярком свете разными оттенками. Крыльцо же — и колонны, и навес, и перила — было увито цветами. А на травке рядом, касаясь головами благоухающих гирлянд, стояли музыканты. Завидев молодых, они как по команде подняли смычки и заиграли марш Мендельсона.

Бэк легко взял Ирку на руки. Понес, аккуратно ступая по красному ворсу, и смотрел неотрывно в глаза. Они поднялись на крыльцо, вошли внутрь дома. Бэк поставил жену на пол, взял ее руку в свою, поцеловал, после, все так же молча, повел по лестнице на второй этаж.

Дверь в залу была распахнута, все окна тоже. В комнату врвался ветерок, донося запах цветочных гирлянд и звуки скрипичной музыки, кажется, это был уже Штраус. Бэк обнял Ирку и закружил ее в вальсе, она грациозно скользила, ведомая умелой рукой и неизвестно откуда взявшимся наитием — никогда раньше она не пробовала танцевать вальс. Она порхала как бабочка, и ее развевающаяся фата походила на узорчатые крылья.

Они еще долго танцевали, потом он отнес ее в спальню — музыка и там улаждала их слух, проникая через открытую балконную дверь — где они занялись любовью, теперь по праву мужа и жены.

В свадебное путешествие они отправились в Париж. Но город почему-то не произвел на них особого впечатления — Ирку всегда восхищала только экзотика, а Бэка ничто не волновало больше, чем поросшие орешником берега Сейминки. Через неделю они вернулись очень довольные тем, что путешествие закончилось и они вновь шагают не по парижской мостовой, а по пыльной улице городка Ольгино.

Весь следующий месяц был похож на сказку. Бэк работал, Ирка ждала его, потом они ужинали на балконе, благо погода еще позволяла, разговаривали, молчали, целовались и прочее, прочее, прочее... Иногда они выезжали в N-ск, где у Бэка была прекрасная квартира. Ирка, пока муж работал, повышая благосостояние их семьи, бродила по набережной, по кремлю и узким улочкам, застроенным двухэтажными домиками с окнами у самого асфальта.

Еще через месяц деятельной Ирке стало чего-то не хватать. Весь день она маялась от безделья, спасаясь от скуки только благодаря Интернету, оживала к вечеру: подкрашивалась, наряжалась, готовила легкий ужин — ее муж не любил передать. Потом взбиралась на башню и ждала.

Когда наступила осень, Ирка готова была взвыть. Ей стало тошно и одиноко. Да еще эти голые ветки деревьев, серая река, хмурый горизонт — все так давило, угнетало, когда она выглядывала Бэка, стоя на башне. Однажды она не выдержала и заявила мужу:

- Я хочу заняться выпуском журнала.
- Зачем?

Он был искренне удивлен. Разговор состоялся вечером, Бэк сидел у камина, читал газету, отдыхал от забот, и заявление жены его ошарашило.

— Мне скучно.

— Девочка, у тебя есть машина, съезди в гости, в парикмахерскую. Развейся.

— Бэк, я выходила за тебя замуж не для того, чтобы сесть тебе на шею и ничего не делать.

— Да? — Его глаза весело сверкнули. — А я думал именно так. Я же богач, любая мечтает такого подцепить.

— Бэк, я серьезно. Мне хотелось бы попросить у тебя финансовой помощи. Если ты дашь мне кредит, я смогу выпускать неплохой журнал. Уж в этом-то я толк знаю.

— Ирочка, ну зачем тебе лишние заботы? Занимайся лучше домом и мной. — Он ласково улыбнулся и вернулся к газете.

— Я все равно найду себе работу. Пойми, я не рождена для праздной жизни, мне необходимо чем-то себя загрузить. — Ирка подошла к мужу, присела, положила подбородок ему на колени. — Пока тебя нет, я скучаю, мне нужно занятие на день.

— По-моему, моя горячо любимая жена просто давно не выезжала никуда, вот и загрустила. Я обещаю свозить тебя... например, в Испанию. — Бэк поцеловал ее в висок и продолжил чтение газеты.

— Ты дашь мне кредит? — настойчиво спросила Ирка.

— Нет, конечно.

— Тогда я возьму в банке.

— То есть? — Бэк вскинул голову, взгляд его выражал недоумение.

— Я решила учредить журнал, и я это сделаю. Конечно, я-то надеялась, что мой муж мне поможет...

— Я запрещаю тебе.

— Что? — Ирка не верила своим ушам.

— Я твой муж, и я тебе запрещаю, — повторил Бэк
— Но это же домострой! Я не прошу у тебя позволения, я прошу помощи! — Ирка даже вскочила от возмущения. Она не предполагала, что услышит такой ответ, у нее даже в голове не укладывалось, как один человек может запретить другому что-либо делать.

— Разговор окончен, — отрезал он и теперь уже демонстративно уткнулся в газету.

— Бэк, милый, выслушай меня. Мое занятие не помешает...

— Я сказал — нет. Точка.

Бэк встал с места, отшвырнул газету и вышел за дверь.

Ирка разревелась и убежала в другую комнату. Первая ссора для любой молодой жены потрясение, но ссора по столь принципиальному поводу показала ей просто страшной. Она тихо плакала и не могла успокоиться. Ирка недоумевала, как мужчина, которого она считала частью себя, может проявлять такой эгоизм и неуважение к ее стремлениям. Впервые она обнаружила, что у Бэка есть недостатки, и это ее потрясло.

Через час муж вошел к ней в комнату, прилег рядом, обнял и попросил прощения. Говорил, что она не должна обижаться, ведь все корейцы таковы — у него на родине слово мужа закон, и что он подумает над ее просьбой.

Ирка улыбнулась сквозь слезы, бросилась ему на шею и обняла крепко-крепко.

— Никогда не разочаровывай меня так! — бормотала она.

— Не буду. Но и ты меня пойми, я не могу измениться в один миг.